

Ю.Л. Кроль

Некоторые вопросы исследования феномена бюрократии в старом Китае и перевода соответствующих административных терминов

(в связи с выходом в свет монографии В.М. Рыбакова «Танская бюрократия»)

В статье рассматривается первый в нашей научной литературе опыт исследования китайской бюрократии определенного периода, особо важного и для истории, и для развития культуры Китая, выполненного специалистом по имперскому праву той поры, обладающему выраженным культуроведческим интересом. В ней обсуждаются различные аспекты этого исследования — анализ генезиса феномена бюрократии, описание службы и образа жизни чиновничества, а также бюрократической структуры империи Тан, включающее переводы названий ее казенных учреждений и должностей

Ключевые слова: бюрократия, факторы, ирригация, конфуцианство, легизм, служба, иерархия, конфуцианизация права, переводы названий должностей.

Эта статья выросла из моего выступления на заседании Сектора Дальнего Востока ИВР в июне 2009 г., где я огласил большую часть своих соображений о «Танской бюрократии» В.М. Рыбакова — первой и значительной работы на эту тему на русском языке, как можно надеяться, открывающей ряд отечественных работ о старой китайской бюрократии. Сектор предложил мне опубликовать мое выступление. Когда через полгода монография вышла в свет, оказалось, что автор принял ряд моих замечаний, правда без ссылок на мое выступление, и здесь я вернусь лишь к тем из них, которые не были им учтены или были, на мой взгляд, учтены недостаточно.

Бюрократия на том или ином этапе истории Китая уже давно стала актуальной темой в синологии; так, важный вклад в изучение танской бюрократии внес своими трудами Р. де Ротур, четыре из которых (1928–1952) названы в библиографии обсуждаемой книги, в том числе его двухтомное «капитальное исследование» (1947–1948) «Трактат о чиновниках и трактат об армии», имеющее «непреходящее значение» (Рыбаков, с. 13, 191, 498). Изучением ранней бюрократии с конца 50-х до 70-х годов прошлого века занимался Х.Г. Крил, полагавший, что процесс управления посредством бюрократии — это современная проблема, а изучение китайских параллелей может быть полезно и поучительно сегодня. Крил исследовал государственность Чжоу, идеологию Чжань го и Хань, в особенности легизм, и показал, что китайское бюрократическое государство с техническими методами, потребными для его функционирования, его институтами (в частности, таким как государственные экзамены на право занятия должности) является важнейшим вкладом Китая в мировую культуру, повлиявшим на западную государственность (Creel, 1959, p. 199–211; 1961, p. 607–636;

1964, p. 155–184; 1970, p. 1–28; 1974). Ханьской бюрократии посвятил в 1980 г. монографию Х. Биленстайн (Bielenstein, 1980).

В.М. Рыбаков известен в отечественной китаеведной науке прежде всего как исследователь и переводчик всего текста танского кодекса. В обсуждаемой книге он опирается на эту работу и развивает мысли, возникшие в результате раздумий и над историей Китая, и над отечественным опытом. На него, как и на Крила, повлияла реальность современного бюрократического государства, у обоих возникла потребность разобраться в этом явлении, воспринятом ими как закономерное и неизбежное, несмотря на его отрицательные стороны; только Крил больше старался отследить китайские корни современной бюрократии, а Рыбаков скорее искал противоядие против ее пороков, проявившихся еще в старом китайском опыте; он вспоминает, что в 1994 г. надеялся «отыскать в танском административном праве, регулировавшем деятельность чиновничества, некий секрет, который смог бы на блюдечке поднести Отечеству и тем помочь ему сделать более дееспособным чиновничество собственное» (Рыбаков, с. 14).

Угадывается, что на Рыбакова произвел впечатление расцвет такого спутника современной бюрократии, как коррупция, и что танский Китай вселил в него надежду на возможность ее обуздания, если не искоренения, с помощью «антикоррупционного фактора» — «мощной государственной идеологии коллективистского толка». Но, по мысли ученого, такое духовное влияние необходимо подкрепить «развитым уголовным правом» — человеческую природу он явно оценивает едва ли выше, чем Сюнь-цзы (см. там же, с. 44) или кое-кто из легистов.

Работа Рыбакова покоится на внушительном фундаменте из трех важнейших источников по периоду Тан (VII — начало X в.), прежде всего переведенного и изученного им танского кодекса «Тан люй шу и», а также еще четырех источников VIII–X вв. Исследователь применял методы текстологического и сравнительно-исторического анализа и старался учесть многоуровневое взаимодействие и взаимовлияние рассматриваемых им объективных и субъективных факторов. На его взгляд, возникновение феномена китайской бюрократии было результатом взаимодействия нескольких таких факторов — природного, культурного, экономического и психологического. Меня удивило, почему из «внешних факторов», сформировавших бюрократию, упомянут лишь природный — особенности ландшафта и климата, — обусловивший необходимость масштабных и постоянных ирригационных работ и потребность в центральной власти, способной на их проведение. На взгляд автора, этот фактор задавал «строго определенную направленность социального развития» (там же, с. 21) в речных цивилизациях, в том числе китайской.

Научная традиция выводить из способа производства характер политической власти в ряде восточных обществ, экономически основанных на ирригации, возникла давно. В отечественной науке с ней связаны дискуссии об азиатском способе производства и азиатском деспотизме. В ходе этих дискуссий обсуждался вопрос, была ли власть монархов в этих обществах, в том числе китайском, деспотической, ничем не ограниченной. Теперь Рыбаков старается показать, что природа, которую без масштабной ирригации в хозяйственном отношении было не освоить, и соответствующая этому экономика стали факторами, сформировавшими феномен китайской бюрократии. Это интересная и нечуждая нашей науке постановка вопроса, вполне допустимая гипотеза.

При обсуждении работы я обратил внимание Рыбакова на то, что наличие соседей-«варваров» стало другим внешним фактором, формировавшим бюрократию Китая, как военную, так и обслуживавшую сношения с внешним миром, и что об этом стоит сказать в теоретической преамбуле в 1-й гл. работы «Феномен китайской бюрократии».

тии». Теперь автор пишет об этом странным образом в разделе «Природа и люди», но называет этот фактор «оборонным мотивом бюрократизации», под влиянием которого сложилась «еще одна бюрократия — военная» (там же, с. 22). Словом «оборонная» он пользуется как эвфемизмом, включая в его значение также функцию захвата «чужого благосостояния». Во 2-й гл. монографии он подробно сообщает о поступлении на военную службу и продвижении по ней, сдав военные экзамены на степень для замещения должности, и о возможности получить наградную должность за подвиг в бою, а также об отборочных экзаменах на степень для замещения должности; после чего хорошо аттестованным, но больным военным чиновникам 6-го ранга и ниже присваивалась соответствующая почетная должность с правом при желании уйти с действительной службы; он отмечает практиковавшиеся порой внезапные повышения военных, да и прочих чиновников в разряде, пишет об их совместных явках на императорские аудиенции, об их поведении по отношению друг к другу, например кому надлежало кланяться военным и гражданским чиновникам 3-го ранга и ниже, описывает 30-дневные отпуска, положенные им раз в три года «для проявления... заботы» о родителях, живущих за тысячи *ли* от места службы сыновей, а также о 100-дневном отпуске по случаю «сердечного траура», дававшемся военнотружущим и бойцам пограничной стражи; упоминает и о разрешениях заслуженным военным сановникам, просившим, чтобы после смерти их похоронили при императорской усыпальнице (см. там же, с. 125–126, 129, 146–147, 151, 162, 165–166, 169, 176–177, 179, 183–184). В 3-й гл. монографии он приводит обширный материал о военной бюрократии, хотя противореча и себе, и традиционным китайским историкам, утверждает, что «строго говоря, вооруженные силы не относятся напрямую к бюрократии и, следовательно, не являются объектом нашего рассмотрения» (там же, с. 354); автор также сообщает о связанных с военным делом должностях, оружейных мастерских, складах, военных поселениях и других институтах, (см. там же, с. 219, 226–227, 229, 235, 310, 311, 350, 351, 310, 311, 354–396; ср. с. 411–443, 462–464, 468–474). По-моему, это вполне оправданно. Но его теоретическая преамбула учитывает (и то лишь после моих замечаний) всего один аспект такого фактора формирования бюрократии, как соседи.

А ведь ответом империи на вызов извне было наличие не только многочисленных кадров военных, но и кадров участников ее дипломатических сношений с соседями, с внешним миром. Однако о них при описании факторов формирования бюрократии в начале книги умалчивается. В 3-й гл. книги к ним относятся служащие *хунлусы* 鴻臚寺 /«Ритуального приказа» в переводе Рыбакова (см. там же, с. 228, 313, 321)/, он же «приказ придворного этикета» (по БКРС. Т. 3, с. 509), а в более точном переводе — ведь речь идет об учреждении, возглавляемом определенным сановником, — «приказ великого церемониймейстера [на приемах чужеземных гостей]» /перевод *хунлу* у (Палладия и Попова. Т. I, с. 348), — «церемониймейстерство»/; сюда относятся и служащие *дянькэшу* 典客署 /«Отдела гостей» в переводе автора (см. Рыбаков, с. 323–324)/ — по-моему, *дянькэ* досл. означает «ведающий [чужеземными] гостями»; в «Хань шу» сказано: «*дянькэ* — чиновник [времен] Цинь 秦, ведал всеми варварами от [южных] *мань* 蠻 до [восточных] и *夷*, примкнувшими к справедливости [Сына Неба, /или Среднего государства/] (ср.: Хуань Куань, т. 2, с. 518–519, примеч. 4 к гл. 49. — Ю.К.), у него был помощник» (ХШ, гл. 19А, с. 1115); а также *чжужэ* 主客 /«Гостеприимного отдела» в переводе автора (см.: Рыбаков, с. 225–226)/, «приказного по делам иноземных гостей» (по БКРС, т. 2, с. 168, значен. 3), а дословно «ведающего [чужеземными] гостями»; наконец, *чжифан* 職方 /«отдела управления окраинами» в переводе автора (см.: Рыбаков, с. 227–228)/, по-моему же, «[чиновника], ведающего [приемом даней от варваров четырех] стран света» /и картами Поднебесной/ (ср.:

Палладий и Попов, т. II, с. 54; Морохаси, т. 9, с. 232, № 53). Если бы Рыбаков в теоретической преамбуле в начале монографии в общем виде указал на влияние на состав бюрократии не только «оборонного мотива бюрократизации», но и потребностей мирных сношений Китая с внешним миром, то стали бы ясней впечатляющие, поистине «имперские» масштабы этого влияния на формирование бюрократии при Тан, обусловленного одним лишь фактором — наличием у империи соседей. По объему этот материал в разы превосходит тот, который посвящен в монографии фактору ирригации при Тан (ср. ниже).

На взгляд автора, бюрократия в Китае возникла вследствие существовавшей там «необходимости налаживать взаимодействие с природой множественным организованным трудом», поэтому там возник «государственный сектор экономики со сложной системой централизованного управления, производства и распределения» (Рыбаков, с. 20). В 1-й гл. монографии, написанной прежде всего на основе научной литературы, а не танских источников, он обсуждает эту мысль, разделяемую им с плеядой авторитетных предшественников. Все они признают связь земледелия в Китае с ирригацией, почти все — что она была заботой имперского центра; исключение составляет Д. Туичетт, в чьей критике концепции «Восточного деспотизма» К.А. Виттфогеля автор находит формулировку «третьего уточнения» «речной» схемы в Китае. Туичетт полагает, что с инициативой ирригационных проектов при Тан выступали местные чиновники с сильными локальными связями, что она была не подвластна ни политике, ни контролю имперского центра или же округов, и даже уезды участвовали в ней лишь при чрезвычайных обстоятельствах; поэтому водный контроль нельзя рассматривать «как первейшее занятие тотального деспотизма того типа, который представлялся Виттфогелю». Этот контроль был лишь одной из сфер служебной активности наряду с земледелием, «за которой... местные чиновники должны были бдительно присматривать» (см. там же, с. 28–29). Вряд ли это «льет воду на мельницу» гипотезы возникновения феномена бюрократии как следствия особой роли государства в создании и поддержании ирригации. Но Рыбаков заключает из слов Туичетта, что при Тан «не только центральный, но даже низовой аппарат империи... повсеместно обладал и полномочиями, и, главное, квалификацией для того, чтобы в интересах и государства в целом, и жителей конкретных местностей осуществлять сложнейшую деятельность по управлению базовыми элементами экономики. Эта работа стала делом не только немногочисленной элиты центра, но и скромных служащих местной администрации на просторах всей империи», причем «производящий законы и инструкции центр» лишь задавал «правила игры» (там же, с. 30). Своеобразно же понял Рыбаков слова Туичетта, твердо отрицающего роль центра в деле ирригации при Тан! И это в стране, где, как нас уверяют, существовала «необходимость масштабных и постоянных ирригационных работ» (там же, с. 21).

Лично мне свидетельство Туичетта помогло не убедиться в роли центра, задающего «правила игры» в сфере ирригации, а понять, почему в структуре танской бюрократии занятиям ирригационными работами уделено столь скромное место. Я обратился к материалу о танской бюрократии, приведенному в 3-й гл. монографии, откуда можно из экономических обязанностей чиновников сделать вывод, какую роль в перечнях этих обязанностей занимала забота об ирригации. Сам автор свои мысли об обусловленности развития бюрократии при Тан ирригационными потребностями с материалом описания танской бюрократии в 3-й гл. не соотнес, предметного указателя в монографии нет, есть лишь «Иероглифический индекс административных терминов» (там же, с. 482–494). Пришлось мне самому искать обоснование гипотезы Рыбакова в материалах его же книги, может, что и пропустил. Мне встретились упо-

минания о строительстве или ремонте сооружений на водах, причем отнюдь не только ирригационного, но и другого назначения, в том числе транспортного (забота о путях сообщения); они есть в описании «Работной части», точнее, ее «Водного отдела» (там же, с. 238 и примеч. 93); этот отдел ведал, в частности, «водоотводными каналами», «дамбами и плотинами, оросительными каналами и рвами», которые должны были регистрироваться, а начальники округов и уездов должны были своевременно осматривать подведомственные им плотины и дамбы и контролировать починку обнаруженных там повреждений; повинные в неустранении последних вовремя сурово наказывались, особенно если последствием их оплошности становились гибель имущества, либо чьи-нибудь телесные повреждения или смерть. «Работная часть» включала также отделы «работный», «земледельческих поселений», «природопользования» (там же, с. 233–238). Данные по интересующему меня вопросу нашлись и в описании «Водоустроительного управления», куда входят «Отдел рек и каналов» и «Отдел подуправлений всех переправ» (там же, с. 351–354). «Водоустроительное управление» ведало, в частности, «каналами и дамбами, плотинами и рвами», «а также соблюдением правил орошения» — очередности получения воды в зависимости от удаленности участка от ее источника и от характера полей. «Отдел рек и каналов» отвечал наряду с прочим «за реки и каналы, плотины и рвы, насыпи и дамбы», в него входили «6 обходчиков рек и насыпей» (там же, с. 353). Но название «Отдела природопользования» (*юй бу* 虞部), по мнению Рыбакова, определенно указывающее на заботу чиновников о борьбе с наводнениями и о «наведении порядка в природе», было неправильно понято и истолковано автором монографии, а потому не может служить доводом в пользу выдвинутой им гипотезы. *Юй* 虞 по словарю под редакцией И.М. Ошанина значит «смотритель гор и озер, лесов и заповедников; старший ловчий» (БКРС, т. 3, с. 657, № 8598, I, сущ., значен. 3), а *юй бу* — «ист. Приказ природных богатств, с дин. Тан департамент 工部 Министерства работ» (там же, с. 658). Видимо, мнение автора, что отдел «природопользования» «был назван так в честь всем памятного Юя, победившего в свое время потоп и вообще наведшего порядок в природе древнего Китая» (Рыбаков, с. 237), возникло в результате того, что по ошибке иероглиф *юй* 虞 был принят за имя Юя 禹 (мифического усмирителя потопа и основателя дин. Ся): это омонимы, пусть неполные, ибо произносятся в разных тонах. Рыбаков продолжает: «Сходные задачи, хотя и принципиально меньшие по масштабу, приходилось решать Юеву отделу. Возможно, чтобы его служащие не забывали о своей высокой роли, имя древнего героя было вынесено прямо в название их места службы» (Рыбаков, с. 237). По-моему, сочетание *юй бу* к борьбе Юя с «потопом и наведению порядка в природе» отношения не имеет и буквально значит «отдел смотрителей [богатств] /или: чиновников, ведающих [богатствами] гор и озер /вариант перевода: гор и болот (см. Хуань Куань, т. 1, с. 256, примеч. 31)/, парков, травами и деревьями, [которые там произрастают], и топливом (дровами и углем), [источником которого они служат]» (см. Морохаси, т. 9, с. 1073, № 32723, значен. 18; с. 1078, № 137; ЧГЛДГЧДЦД, с. 817).

В теоретической преамбуле в начале монографии Рыбаков высказывает интересную мысль о глубоком противоречии, присущем централизованному управлению производством и распределением посредством бюрократии. Это противоречие между идеальной функцией бюрократа в обществе и его человеческой природой. Автор рассуждает так: государственная экономика эффективна, только если средства и ценности производятся и неуклонно перемещаются «предписанным сверху, общественно полезным образом» от производителя к потребителю и из одной точки пространства в другую, не оседая в руках управленцев. Их функция в системе требует от них полного бескорыстия, но их человеческая природа эгоистична, своекорыстна (ср. выше),

побуждает их поддаваться соблазну незаконного присвоения средств и ценностей, проходящих через их руки, и увлекает их в бездну коррупции. Это подрывает экономическую эффективность и в пределе губит систему хозяйствования. При этом управленцы заинтересованы не столько в ее общей эффективности, сколько в возможно более эффективном личном пользовании ею. Выход отсюда остается только один. «Их заинтересованность должна быть вообще по возможности выведена из сферы материального и стимулирована идеологическими, духовными, этическими соображениями», а неспособные преобразиться под этим влиянием «сразу должны оказываться в сфере ведения уголовного права» (Рыбаков, с. 34–36). Хотя бы из культуроведческого интереса стоило бы сравнить это с тем, как мыслил себе идеального бюрократ исследователь и теоретик феномена бюрократии М. Вебер.

На взгляд Рыбакова, чем большая экономическая и организационная нагрузка возлагается «внешними... условиями» на государственные структуры и чем обширнее, сложнее, важнее должен быть управленческий аппарат, тем энергичнее правитель и духовная элита внедряют культ бескорыстия и осуждают стяжательство. «Многочисленная и эффективная бюрократия не может существовать в обществе, где царит принцип „обогащайтесь“», — считает автор, а «культ бессеребренничества» бывает востребован больше всего там, где от «имущественной воздержанности управленцев» сильнее зависит «обыденная жизнь, безопасность и достаток общества» (там же, с. 39). Переходя к конкретной истории духовной жизни Китая, он кратко описывает спор конфуцианцев и легистов, причем утверждает, что, по мнению Мэн-цзы, «не народ кормил правителя, но правитель... и его чиновничество — своей способностью организовать общественную жизнь кормили народ» (там же, с. 43). У Мэн-цзы едва ли были сомнения насчет того, кто кого и за что кормит. Он говорил: «Если бы не совершенные (благородные) мужи, некому было бы править простыми (трудящимися) людьми; если бы не простые (трудящиеся) люди, некому было бы кормить совершенных (благородных) мужей» (Мэн-цзы, гл. 5.3, с. 118–119; ср. Хуань Куань, т. 1, с. 43; т. 2, гл. 20, с. 47). Рыбаков изображает конфуцианцев большими специалистами по сельскохозяйственным вопросам, хотя Конфуций отказался учить своего ученика земледелию и овощеводству, ссылаясь на то, что в этом ему не сравниться с опытными земледельцами и огородниками, а стоящим наверху надо подавать людям пример любви к «ритуалу /или нормам поведения/» (*ли* 禮), «долгу /справедливости/» (*и* 義) и честности, тогда народ устремится к ним, «зачем тогда им самим... заниматься земледелием?» (Переломов, с. 388 /XIII, 4/, 53–55, 191). Автор также едва ли прав, что переводы *ли* «этикет» и «церемонии» «несколько дезинформируют» читателя (Рыбаков, с. 45), хотя можно сказать, что в некоторых контекстах они его недостаточно информируют — у этого слова находят не менее трех значений (см. Хуань Куань, т. 1, с. 207, примеч. 69), да и сам автор пользуется переводом «церемонии» и соответствующим прилагательным (см. Рыбаков, с. 215, 223) — неужто с целью дезинформации читателя?

Боюсь, что при описании идеологии бюрократии в монографии уделено недостаточное внимание ситуации несогласия или конфликта, который нет-нет да возникал между правителем и чиновниками, ведь у находящихся на каждом этапе власти были свои интересы. Думаю, что и в конфуцианстве, и (в меньшей степени) в легизме (учении школы закона /*фа* 法/) были заложены идеи и принципы, позволяющие не только монарху контролировать бюрократию, но и бюрократии спорить с монархом, критиковать его и в чем-то ограничивать его власть. В конфуцианстве это был, в частности, образ «совершенного мужа», соответствующие ему поведение и критические увещания. Не находились ли под влиянием этого образа советники императора — «2 левых неперемненных служителя» или (в более дословном переводе автора,

который тут обошелся без запятых) «едущих слева постоянно прислуживающих не обремененных конкретными обязанностями всадника» (*саньци чанши* 散騎常侍) и «4 левых великих мужа-увещателя» (*цзяньи дафу* 諫議大夫) и другие советники императора (там же, с. 243–245, 252–253, 293); в их обязанности входила критика его ошибок, упущений и изъянов, в частности путем «иносказательных увещаний, [содержащих] косвенную критику» (*фэн цзянь* 諷諫). Автор считает, что, по мнению легистов, весь народ, включая знать, «должен быть поставлен в полную зависимость не от абстрактной природной гармонии, но от правителя» (Рыбаков, с. 46). Это не совсем точно, сам же он приписывает легистам стремление к «диктатуре закона» (Рыбаков, с. 52). В легизме, в частности, была идея универсализма закона, который ставился выше правителя; она возбраняла государю нарушение законов (см.: Штейн, с. 130–131; Кроль, 1993, с. 376–380). Мне уже приходилось писать о выступлениях в VII в. танских чиновников против намерения императора нарушить законы, тем самым продолжавших ханьские традиции. По-моему, именно в таких критических выступлениях проявляется позиция подданного, независимая от государя, а значит, здесь больше шансов обнаружить следы «корпоративной» идеологии чиновничества (каковой Рыбаков считает конфуцианство). От игнорирования критических выступлений танских чиновников страдает нарисованная им общая картина и доказательная база выдвинутого им тезиса о востребованности конфуцианства.

Автор полагает, что легисты проиграли конфуцианцам в «историческом поединке», так как ориентировались на природу среднего, обычного человека, который не мог играть «роль идеала... духовного ориентира»; их выбор пал на «личность без нравственной перспективы», которой нечего оказалось противопоставить могильщикам империи Цинь, поэтому они потерпели поражение (см.: Рыбаков, с. 49–50). Но, заметим, что к власти при Хань пришли не только и не столько конфуцианцы, которых ждал большой успех не раньше, чем лет через 70 по воцарении Хань. Размышляя над уроками «исторического поединка», автор пришел к выводу, что легисты пытались построить государство «„диктатуры закона“... равно беспристрастного и равно жестокого ко всем», а «конфуцианцы мечтали о государстве справедливом» (там же, с. 52). «Едва ли не краеугольным камнем» концепции легистов «было то, что за одинаковые поступки и одинаковые достижения самые разные люди должны были совершенно нелицеприятно получать одно и то же возмездие и воздаяние» (там же, с. 48). Однако по наблюдениям исследователя и переводчика законов Цинь А.Ф.П. Хюльзеве и его предшественников в КНР и Японии (публикации 1978 и 1979 гг.), хотя, очевидно, Шан Ян и был сторонником идеи, что законы должны беспристрастно применяться ко всем преступникам, вновь найденные законы Цинь показывают, что высокое или низкое положение, занимаемое нарушителем в иерархии, продолжало приниматься во внимание (и потому вышестоящие, особенно обладатели рангов знатности, часто наказывались легче, чем их подчиненные — обыкновенные простолюдины и рабы); эти законы также устанавливали разное наказание за преднамеренное и непреднамеренное убийство (см.: Hulsewé, 1981, p. 12–13 и примеч. 54; Hulsewé 1985, p. 7–8). Иными словами, еще циньское право выделяло и обязывало учитывать привилегированные группы при вынесении приговора, что еще в 50–60-х годах виделось как результат конфуцианизации права при Хань и позднее. Рыбаков узнал о наблюдении Хюльзеве из моего выступления на обсуждении своей работы и вставил сообщение об этом в свою монографию (см.: Рыбаков, с. 55, примеч. 84), но странным образом сохранил свои процитированные выше прежние формулировки, не заметив, что они противоречат тексту недавно открытых циньских законов. Его рассказ о споре конфуцианцев и легистов завершают слова: «Лишь синтез,

лишь неразрывное единство, в котором закон сориентирован справедливостью, а справедливость стабилизирована законом, дает людям возможность жить... конфуцианские *Ли* оказались востребованы как средство воспитания и ненасильственного поддержания хорошего, а легистские *Фа* — как средство устрашающего пресечения дурного... Мораль и право, нравственность и бездушный норматив пошли навстречу друг другу и сплелись воедино, как Ян и Инь» (там же, с. 52–53). Это поэтическое описание известного процесса, названного Цюй Тун-цзу конфуцианизацией права (закона).

2-я гл. «Служба как она была» — это, на мой взгляд, лучше всего написанная часть монографии, по которой у меня почти нет замечаний. Начав с краткого сообщения о социальной стратификации танского общества с упором на чиновничество и аристократию, автор описывает военные и гражданские почетные должности, награжденные должности, мужские и женские титулы знатности, информирует о рангах, о разных схемах начала карьеры и продвижения по службе, в частности при помощи привилегий и «преимущественных правовых состояний», даваемых «тенью /или сенью/» (*инь*), которой был «прикрыт» индивид-«тенеполучатель» при попытке поступить на службу и сделать карьеру; «тень» также обеспечивала ему иммунитет при назначении ему наказания за совершенное преступление. Автор полагает, что все «тени» были «производными последовательной ретрансляции... одной-единственной сверхмощной „тени“ — „тени“ императора», получавшего ее от Неба вместе с «Небесным мандатом», когда он «удостаивался усыновления Небом»; и пока он справлялся с миссией «водворения вселенской гармонии в мире людей», прикрытые «зонтиком» «тени» хранило его от бед, но как только он переставал справляться, то лишался прикрытия, и «Сын Неба» «из легитимного владыки... превращался в узурпатора», что грозило передачей «мандата... более достойному». По той же схеме мыслилось функционирование всех «теней низшего порядка»; если «тенеполучатель» совершал уголовное преступление против своего «тенедателя», «тень» переставала его прикрывать, он терял иммунитет и получал наказание «по всей строгости». После установления «основополагающей коммуникации» «Небо–император» все связанные с государем попадали под «зонтик» его «тени»; достаточно близкие к нему «стационально или функционально» лица получали возможность транслировать «„тень“ второго уровня интенсивности уже своим родственникам, а те — своим»; «тень» мыслилась как распространяющаяся «поэтапно», достигающая «родственников весьма далеких степеней родства», аристократов с незначительными титулами и чиновников мелких рангов. «Этот механизм склеивал весь привилегированный слой воедино, освобождая его от остального населения». «Круги прикрытых „тенями“ концентрически расположенных вокруг „тенедателя“ все более сжимались по мере удаления» его «от главной мировой вертикальной оси». Представлялось, что интенсивность «тени» с удалением «тенедателя» от этой «оси» «падала». С каждым шагом от центра мира — особы императора — круг тех, кому «родство транслировало допуски к должностям», сужался, а «интенсивность трансляции... выраженная высотой ранга допуска», убывала. Сходные закономерности автор обнаруживает в среде чиновничества. «По своим ретрансляционным свойствам» «должность чиновника» (*гуань*) была аналогична «тени» (*инь*), только сопротивление текущей по этому каналу благодати было больше, а потому «интенсивность передаваемых преимущественных состояний» — меньше, чем у состояний, передаваемых по каналам родства. Чиновники высших рангов «ретранслировали» потомкам по мужской линии правовые преимущества меньших интенсивностей уже через «тень». На взгляд автора, знать при этом «занимала фоновое, растворенное положение» (см. там же, с. 127–131).

Автор переходит к системе государственных экзаменов и ее роли в отборе на должности при Тан. Мнения ученых о том, какой процент чиновников начал тогда карьеру благодаря сдаче экзаменов и какой благодаря «тени», расходятся. Вслед за предшественниками, в частности В.А. Рубиным и Крилом, автор высоко оценивает открытый в Китае способ назначать на посты в администрации лиц, «прошедших серьезную предварительную проверку по тщательно разработанным единым для всех критериям», называет это «колоссальным вкладом Китая в мировую административную практику и, шире, — в культуру» (ср. выше мнение Крила), хотя и признает, что это открытие не означало «действительного равенства объективно неравных». От династии Суй Тан унаследовала три пути выдвижения кандидатов. Преподаватели учебных заведений рекомендовали своих студентов (*шэнту* 生徒), а начальники округов — «поднесенных из волостей» (*сянгу* 鄉貢) — образ «дани, представленной провинцией» (округами и уездами). Автор перечисляет названия степеней, присваивавшихся сдавшим экзамены, требования, предъявлявшиеся к экзаменуемым, системе оценок, ранги допуска, соответствовавшие присвоенным степеням, сочетавшиеся с рангами допуска, обеспеченного индивиду благодаря «тени» (см. там же, с. 143–151). И вступавшие в службу, и те, у кого срок ее на прежней должности истек, проходили отборочные экзамены (*сюань*) — чтобы реально занять должность, надо было прежде доказать или подтвердить пригодность к ней. Экзамены проводили три экзаменатора с двумя помощниками ежегодно в три приема в 1-й зимней луне; на проверки собирали людей из мест, расположенных на разном расстоянии от столицы — менее 500 *ли*, в поясе от 500 до 1000 *ли* и дальше чем на 1000 *ли* от нее. Требования к кандидатам обнародовались загодя; отвечавшие требованиям получали от властей «поясняющие представления» к участию в отборочных экзаменах, содержавшие сведения о них и об их карьерах. В 10-й луне они собирались в Правительствующем *шэне* (*шаньшэнь*), опоздавшие к отбору не допускались. «Заслуги и поступки» прибывших в срок проверялись. Сыновья из наказанных семей, ремесленники, торговцы и др., а также назвавшиеся чужим именем, совершившие подлог или сообщившие неправду о своей карьере карались. Людей отбирали по четырем характеристикам; учитывались также «проявление добродетелей» (*дэсин* 德行), таланты, успехи при выполнении прежних обязанностей. Экзаменовали только чиновников невысокого (6-го) ранга и ниже по двум характеристикам — их письму (каллиграфии), по стилю и доказательности суждений, а сдавших экзамен оценивали еще по двум характеристикам — их телосложению, убедительности и прямоте речи. Имена прошедших отбор вносили в списки кандидатов на должности, выясняли их предпочтения, определяли их предварительные назначения. Списки оглашались. Недовольный назначением мог написать мотивированный отказ, но после трех оглашений пока оставался без службы, хотя, видимо, мог участвовать в отборочных экзаменах следующего года. Довольные назначением вносились в списки, подававшиеся императору. Назначенные получали «удостоверение на должность» и собирались при дворе для изъявления благодарности (см. там же, с. 151–154).

Автор описывает ежегодные переаттестации — «проверки заслуг» — подчиненных, проводившиеся начальниками учреждений, которые классифицировали чиновников по девяти степеням. Срок завершения переаттестации зависел от удаленности местности от столицы, куда следовало представить результаты. Оценки были предельно формализованны. Использовались готовые формулы для характеристики четырех «достоинств» (*шань*) чиновника: общеизвестность его добродетели и верности долгу, очевидность его чистоты и благоразумия, похвальность его бескорыстия и беспристрастности, неослабность его усердия. «Достоинства» характеризовали его

служебные качества, «общегражданские добродетели», причем у одного чиновника могло быть найдено до четырех «достоинств». При этом из 27 «совершенств» (*цзуй*) за ним признавалось лишь одно (но тоже стандартное), характеризующее его определенную узкопрофессиональную деятельность: «скрупулезность» в том-то, «ясность», а скорее «осведомленность» (*мин*) в том-то, и т.п. Получивший при аттестации оценку 4 достоинства и 1 совершенство, либо 1 совершенство и 3 достоинства, либо 1 совершенство и 2 достоинства соответственно признавался «из лучших лучшим», либо «из лучших средним», либо «из лучших худшим»; за кем не признавалось ни одного совершенства, но признавалось 2 достоинства (или 1), тот считался «из средних лучшим» или «из средних средним». Прочим доставалась критика начальника за малые способности, нерадивость и недостатки. Достоинства и недостатки верхушки знати, столичных и провинциальных чиновников и др. проверял и оценивал сам император. Аттестация определяла карьерный рост и размеры жалованья. Аттестованным «из средних лучшими» и выше прибавляли от четверти до двойного годового оклада, аттестованные «из средних средними» сохраняли прежний оклад, а у аттестованных «из средних худшими» и ниже жалованье сокращали в размерах от четверти до всего годового оклада. Обладающий «средними рангами», пройдя четыре аттестации «из средних средним», через четыре года повышался в ранге на один разряд, а если хоть раз признавался «из средних лучшим», то еще на один разряд, аттестованный же хоть раз «из лучших худшим» повышался на два разряда и т.д. Аттестованного «из худших худшим» увольняли. Автор отмечает, что медленность служебного роста компенсировалась тем, что «ритмичное автоматическое повышение согласно выслуге лет было на самом деле дискретным, пульсирующим... иерархия корпуса чиновничества не была однородной, но расчленялась на несколько... фаз, фазовые переходы... ставились в зависимость от решения высших инстанций». Так, сыновья чиновников невысокого ранга при переводе из вспомогательного штата в основной, пройдя аттестацию и отборочный экзамен, могли рассчитывать на должность более высокого ранга, чем у их отцов. Начальников округа или уезда, благодаря чьим «заботам и воспитанию» число облагаемых налогами тяглых простолюдинов возрастало на $\frac{1}{10}$, при аттестации оценивали выше на одну степень, а если число тяглых уменьшалось на $\frac{1}{10}$ — то ниже на одну степень и т.д. Если благодаря усилиям этих чиновников по поощрению земледелия посевная площадь расширялась на $\frac{2}{10}$, а посеvy умножались, то их оценка при аттестации повышалась еще на одну степень. Если обрабатываемая площадь сокращалась на $\frac{1}{10}$ оттого, что земледелие не поощряется, аттестационная оценка повинных в этом чиновников понижалась на одну степень и т.д.

Немощным чиновникам 5-го ранга или выше в возрасте младше 70 лет, успешно сдавшим отборочные экзамены (?), разрешалось выйти в отставку, сохранив половину жалованья, полагавшегося при выходе в отставку в 70 лет. Болевших более 100 дней или вынужденных ухаживать за родственником, больным более 200 дней, отрешали от должности, но могли позволить и служить, и ухаживать (см. там же, с. 154–163).

Вывод автора: «Жизнь чиновника была отнюдь не сахар — и потому требовала создания компенсаторных механизмов». «Главным стимулом был... карьерный рост», сопровождавшийся расширением круга подчиненных, социальным ростом, увеличением жалованья, достатка семьи, переездом в столицу. Для подавления же и минимизации проявлений личной корысти этот стимул следовало дополнить «культурными ценностями, к каковым относятся в первую очередь социальный престиж», делавший чиновника «существом принципиально иного уровня», чем простонародье. Повышение этого престижа лишь повышало эффективность чиновничьей службы. «Чиновник

должен был иметь возможность ощущать свою особость, ее должны были наблюдать окружающие». Эту особость обеспечивали особые правовые состояния, привилегии: так, чиновник не подлежал битью за преступление, но за избавление от битья должен был платить откуп. Ощущение своей особости чиновнику давали прежде всего его «ритуальные права и обязанности», связанные с «высокой этикой его положения», «они давали ему чувство сопричастности великим процессам и ритмам мироздания, привнесению в мир вселенской гармонии», недоступное простолюдинам. Главными из этих ритуалов автор считает те, что позволяли лицезреть императора, хоть короткое время находиться рядом с ним (как не вспомнить слова поэта: «Мы все ходили под богом и даже стояли с ним рядом») и встречаться с более высокопоставленными коллегами, чей пример стимулировал служебное усердие. И для того, и для другого требовалось являться ко двору. Автор детально рассматривает, кто и по каким случаям должен был это делать. Столичные гражданские и военные чиновники разного ранга, старшие офицеры территориальных дружин ополчения, прибывшие на дежурство в столицу, лица, занимавшие гражданские и военные почетные должности, являлись на аудиенции. Столичные чиновники 5-го ранга являлись на аудиенцию ежедневно, а студенты столицы — раз в сезон. Эти чиновники, отбывавшие из столицы в отпуски или с поручением, должны были явиться, чтобы доложить об этом, а по возвращении — чтобы доложить о прибытии. К тому же они являлись на приемы во дворец по определенным торжественным случаям в семье императора — например, на обряд надевания им головного убора по достижении совершеннолетия¹ и др. Чиновники 5-го ранга и выше, находившиеся вне столицы, должны были представлять трону поздравления по случаю объявления амнистий и первого дня года. Гонцы из округов везли и поздравления из уездов. Поздравления со всех концов империи подавались на Высочайшее имя в одном обширном докладе. Когда государь выезжал из столицы, все чиновничество провожало и встречало его за городскими воротами (см. там же, с. 165–168).

Когда в космосе происходили аномальные явления типа солнечных затмений, для нейтрализации их вредного воздействия и восстановления мировой гармонии у алтаря Земли устанавливали пять видов оружия, император откладывал дела, чиновники тоже и только блюли свои учреждения, оберегая рабочие места от беды, а потом расходились. В случае лунного затмения им полагалось бить в барабаны во избежание тяжелых последствий. Если умирал близкий родственник императора, дед или бабка монарха, отец или мать императрицы, либо чиновник 1-го ранга, император три дня не занимался делами. В дни государственного траура (*гоцзи 國忌*) и смерти более далеких родственников императора либо чиновника 5-го ранга или выше государь весь день не прикасался к делам и, по предположению автора, «жизнь в учреждениях тоже замирала» (там же, с. 168–169).

Чиновники вели себя по отношению друг к другу, строго соблюдая иерархию. Все младшие по рангу, кроме служащих самых близких к императору учреждений, должны были кланяться старшим по рангу. Сослуживцы из одного учреждения обязаны были кланяться тем коллегам, чей ранг не предшествовал непосредственно их собственному (чиновник 3-го ранга кланялся особам 1-го ранга, а чиновник 4-го ранга — особам 2-го и т.д.), но кланяться старшему по рангу из другого учреждения не следовало. В одном учреждении все служащие вспомогательного штата обязаны были кла-

¹ Автор пишет: «При восшествии императора на престол и увенчания его главы» и добавляет в примеч. 262: «В тексте тут коротко сказано *цзя юаньфу 加元服* — дословно это можно понять как „доведение одеяния до полного“. Досл. перевод неверен: *юань фу* по китайско-русским словарям (см. БКРС, т. 4, с. 412; Палладий и Попов, т. 2, с. 79) значит «головной убор (досл.: головное платье) [совершеннолетнего]», а *цзя юань фу* — «надеть головной убор [совершеннолетнего]».

няться всем имеющим ранг. Повстречав «вана крови» (*цинъ ван*), видимо, все чиновники 4-го ранга и ниже обязаны были «сходить наземь (*ся ма* 下馬) (досл.: с коня. — Ю.К.)». При встречах, при которых чиновнику более низкого ранга не предписывалось «сойти наземь», ему следовало по правилам для поклонов «сдерживать лошадей, остановиться на обочине и подождать, пока проедет вышестоящий». При движении по дороге (улице) «незнатный обязан был пропустить знатного», «чиновник» — «нечиновника», «младший — старшего, уезжающий — приезжающего» и т.д. (там же, с. 168–171).

«Одним из существеннейших атрибутов высокого положения» были разные виды почетного сопровождения. Автор описывает их и иллюстрирует примерами почетного эскорта, предоставлявшегося согласно их рангам чиновникам 4-го ранга и выше, либо имевшим почетные должности 2-го ранга и выше, а также знати — потомкам двух предшествующих династий. Он перечисляет состав и экипировку эскортов особ 1-го и 4-го рангов и внешних «именитых дам» (*минфу*) 1-го ранга, сообщает функции входящих туда лиц: у мужчин — расчистителей пути, воинов охраны, их вооружение, всадника с самострелом, телохранителей с булавами, упоминает их знамена, одежду («цветное платье»), а у женщин — вместо сильной охраны только 60 воинов с алебардами, но еще разные опахала и ширмы, повозки с возницами и свиту (см. там же, с. 171–173).

Автор подробно рассказывает о праздниках, отпусках и выходных, установленных для чиновников при Тан. Из системы выходных дней, предусмотренных для бюрократии, он заключает, что «в качестве главной для государственного служащего личной ценности само же государство» «предлагало ему его семейный круг» — его ближайших предков и потомков и их нужды; он называет «бережность в отношении к семейным связям и святости семейного долга» «доминирующей идеологией» в этой сфере. Чиновничеству предоставлялись общие отпуска по семь дней на 1-й день года и на день зимнего солнцестояния; в дни праздника холодной пищи и день чистого света — на четыре дня; по три дня на праздник «середины осени», когда любовались месяцем в 15-й день 8-й луны, на летнее солнцестояние и на зимнее жертвоприношение предкам и всем духам в день *ла* в 12-м месяце; на 7-й, 15-й и последний день 1-й луны и еще около 20 однодневных отпусков на разные календарные праздники, в том числе дни весеннего и осеннего жертвоприношений земле, весеннего и осеннего равноденствия, начала четырех сезонов, и в «каждую луну ежедекадно предоставлялось по одному... дню на отдых». Все чиновники в 5-ю луну получали отпуска для полевых работ, а в 9-ю — для получения зимней одежды. Государственные учреждения работали в две смены, каждая отдыхала от службы по 15 дней (см. там же, с. 174–176).

Кроме общих всем чиновникам полагались индивидуальные отпуска, отражавшие особое почтение к системе семейных ценностей, в том числе 30-дневный, дававшийся военным и гражданским чиновникам, чьи родители жили в 3000 *ли* от места службы сыновей, «для проявления сыновней заботы». Если родители жили в 500 *ли*, сыновьям раз в пять лет давался 15-дневный отпуск для поклонения могилам. Если кому во время служебной поездки удавалось вернуться домой до истечения трех или пяти лет, следующий отпуск ему предоставляли лишь через три года или пять лет по возвращении. Чиновнику предоставляли 3 дня отпуска по случаю совершеннолетия кого-либо из его детей и один выходной по случаю совершеннолетия кого-либо из отпрысков родственника, по которому в случае его смерти полагалось носить один из «пяти основных трауров». В случае женитьбы давали девять дней отпуска, но время на дорогу исключалось из этого срока. По случаю брака одного из ближайших родных предоставлялось пять дней отпуска, по случаю брака не столь близкого родственника давали отпуска на три или один день. Но если в родственной чиновнику семье не было «хозяйина» (*чжусу*), а она проживала не дальше чем в 100 *ли* от места его

службы, «отведенное на путь время исключалось из срока отпуска», чтобы он мог приехать и заняться устройством бракосочетания сам.

В пору любого из двух видов трехлетнего траура чиновник на весь срок отрешался от должности (кроме наградных должностей), дабы служебные обязанности не мешали ему отправлять ритуальные по отношению к ближайшим родным: «Семья была свята». Так, при «сердечном трауре» по отцу или матери, длившемся 25 месяцев, даже военнослужащим и бойцам на границе предоставляли 100 дней отпуска. Автор рассматривает ряд отпусков, предоставлявшихся чиновникам по случаю разных видов траура по родным разной степени близости, — на траур, погребение, снятие траурных одежд давали в общей сложности от 38, 25, 18, 8 до 4 дней отпуска. Хотя по безвременно умершему траур носить не полагалось, но если, доживи он до зрелых лет, траур по нему должен был бы быть годовым или более глубоким, чиновнику предоставляли пять дней отпуска. Для траура по умершему ребенку в зависимости от близости родства давался отпуск на три, два или один день. В случае смерти наставника, у которого чиновник получил конфуцианское образование, полагался отпуск в три дня. Время, потребное на дорогу, не включалось в срок отпуска, «кроме одного случая — если тот предоставлялся по случаю смерти родственника, по которому траур носился год и более»; началом такого отпуска считался день, когда чиновник узнавал об этой смерти.

Чиновникам предоставлялись и однодневные выходные по случаю «частных дней воздержания», таких как годовщина смерти одного из родителей, когда надлежало воздерживаться от всего доставляющего веселье. Для принесения жертв в храме предков после трехлетнего траура по родителям чиновнику давали отпуск в пять дней. Болезнь или кончина родственника или другие особые обстоятельства позволяли чиновнику отсрочить отъезд в дальнее путешествие.

Третьей разновидностью отпусков были предоставляемые на сборы при первом или новом служебном назначении. Если до места службы было не больше 1000 *ли*, на сборы давали 40 дней; если от 1000 до 2000 *ли*, то 50; если не больше 3000 *ли*, то 60; если не больше 4000 *ли*, то 70; на сборы в более дальний путь — 80 дней. Разрешался досрочный отъезд, а владельцу поля со всходами — отъезд после сбора урожая (см. там же, с. 176–182).

Танские законы заботились о стариках. В 70 лет чиновник мог выйти в отставку с должности 5-го ранга или выше, сохранив половинное жалованье; то же разрешалось немощным чиновникам 5-го ранга младше 70; чиновники 6-го ранга или ниже, успешно сдавшие отборочный экзамен и прошедшие аттестацию, по желанию могли уйти со службы на почетную должность (см. выше).

Автор отмечает, что «правильная организация» «погребения» была «одним из самых действенных стимулов чувства чиновничьей личности и служебного рвения». Император удовлетворял просьбы близких к нему заслуженных сановников или родных похоронить их после смерти при его усыпальнице, гражданских хоронили слева, военных справа. Ему, вдовствующей императрице, императрице и наследнику престола полагалось оплакивать умерших родных, по которым надо было носить траур; выражение скорби было регламентировано: близких оплакивали три дня, более далеких — один день до заката, еще более далеких — однократно, а умерших высоких сановников монарх и его семья оплакивали как родственников средней или дальней степени близости. По случаю смерти внутренней «именитой дамы» (*минфу*) 2-го ранга и выше либо чиновника 2-го ранга и выше или по имевшему почетную должность 1-го ранга император проявлял скорбь однократно; вдовствующая императрица и императрица оплакивали смерть внутренней *минфу* 3-го ранга и выше; наследник

престола — смерть кого-либо из своих Трех наставников, Трех младших наставников, а также дворцовых приближенных 3-го ранга и выше. В день, когда император скорбел, музыкантам, служившим в государственных учреждениях, запрещалось играть на своих инструментах.

Автор перечисляет категории лиц, которым устраивались государственные похороны с официальными жертвоприношениями. Чиновника, ушедшего в отставку согласно порядку службы, разрешалось хоронить в одежде, положенной ему по должности и рангу; это относилось и к женщинам, имевшим чиновничьи ранги. Когда, находясь на службе, умирал гражданский или военный чиновник, то выделялось вспомоществование на похороны в зависимости от ранга его должности. И тут соблюдалась иерархия. Вспомоществование давалось в виде 200 и 40 двойных «штук» (*ни*) белого шелка, а также 200 и 40 *даней* (*ши*) зерна на похороны занимавших должности соответственно 1-го и сопровождающего 5-го ранга; но в случае смерти занимавших более низкие должности от основного 6-го ранга до сопровождающего 9-го ранга вспомоществование давалось лишь в виде белого шелка соответственно в количестве от 30 до 10 двойных *ни*. Если умирал исполнявший должность, чей личный ранг был выше ранга его должности, вспомоществование соответствовало личному рангу; если умирал блюдуший должность — то ее рангу. Полное вспомоществование по этим правилам давалось на похороны представителей знати (*ванов* и потомков двух предшествующих династий) и крупной бюрократии (имевших почетную должность 3-го ранга или выше или ушедших в отставку с должности соответствующего ранга). На похороны почетных чиновников 4-го или 5-го ранга либо ушедших в отставку с должности соответствующего ранга давалось вспомоществование в половинном размере; но если такой почетный чиновник умирал при исполнении каких-либо государственных дел, вспомоществование давалось полностью согласно рангу, как если бы почетная должность была служебной или как если бы он со своей служебной должности не ушел. Если чиновнику причиталось два или более вспомоществования, то давалось лишь соответствовавшее более высокому из наличных рангов. Если кто умирал в походе или сопровождая императора либо наследника престола в путешествии или в пути умирал императорский посланец, то армейскому руководству либо местным властям надлежало устроить перевозку его тела во временном гробу к семье. Семьям воинов, умерших в походе или сопровождая монарха либо его наследника, выдавались вспомоществования в размере от одного *ни* на похороны рядового гвардейца и 30 «штук» (*дуань*) на похороны начальника дружины ополчения.

Иерархия царила и в мире погребальных принадлежностей. Длина погребальных хоругвей была регламентирована в зависимости от ранга усопшего чиновника, равно как количество предметов погребального инвентаря, в частности, предусматривалось ограниченное число разных видов человеческих фигурок (женщин, музыкантов и челяди, рабов и рабынь), их длина (высота?). При погребении чиновникам выделялось могильное поле определенного размера, там устраивался могильный холм определенной высоты. Так, у чиновников 1-го ранга сторона поля была длиной 90 шагов (*бу*), высота холма — 1 *чжан* 8 *чи*; у чиновников 2-го ранга сторона поля была 80 шагов, высота холма — 1 *чжан* 6 *чи*; и т.п.; у чиновников 4-го ранга сторона поля была 60 шагов, высота холма — 1 *чжан* 2 *чи*; у чиновников 5-го ранга сторона поля была 50 шагов, высота холма 1 *чжан*; у чиновника 6-го ранга или ниже сторона поля была 20 шагов, высота холма — не более 8 *чи*.

У чинов 4-го ранга или выше по четырем углам могильного поля возводили парные стелы, у чинов 5-го ранга устраивали земляные насыпи, у чинов с 6-го ранга по 9-й только насыпали могилу. Для погребения чиновника в должности с 5-го ранга

или выше государство отряжало могильных строителей: на похороны чиновника 1-го ранга — 100, 2-го ранга — 80, 3-го ранга — 60, 4-го ранга — 40 и 5-ранга — 20 строителей; на работы отводилось лишь 10 дней. Тексты для стел предписывалось составлять «достоверно, без чрезмерных славословий и украшательств». Чиновникам 5-го ранга или выше полагались квадратные стелы не выше 9 *чи* с драконьей головой и основанием в виде черепахи; чиновникам 6-го и 7-го ранга — круглые стелы высотой в 4 *чи* с заостренным навершием и квадратным основанием. У могилы чиновника 3-го ранга или выше ставилось 6 каменных изваяний людей и животных, а у могилы чиновника 4-го или 5-го ранга — 4.

В предуведомлении к работе автор ставит себе задачу «попытаться впервые дать на русском языке связное описание административной структуры Тан так, чтобы сразу видны были рутинная служба и ее воодушевляющие моменты, взаимосвязь учреждений и их соотносительная важность, их концептуальная и функциональная нацеленность, их, если можно так выразиться, культурная пропитка. Чтобы возникла единая картина грандиозной системы управления. Чтобы осязателен был дух этого поразительного человеческого творения, его философия. Чтобы аппарат империи не представлял хаотичной россыпью разрозненных институтов и персон с невразумительными, однообразными, повторяющимися друг друга на западный манер наименованиями...» (там же, с. 13). К «культурной пропитке» названий танских учреждений вернемся чуть позже.

Корпусу 3-й гл. «Сто чиновников» автор предпосылает свои соображения о переводах «названий учреждений и должностей» империи Тан, которые предлагает вниманию читателя: они, «если не пытаться их модернизировать, обезличить и обесцветить при переводе (что, как правило, и делается), демонстрируют поразительную этическую настроенность, духовную ориентированность бюрократии. Изменения названий одних и тех же, в сущности, административных подразделений, как нельзя лучше иллюстрируют неослабные попытки высшей власти „выправить имена“, т.е. установить полные соответствия между предметами и их наименованиями. Домашний, семейственный дух, архитекtonика субординации поколений и линий родства пропитывали даже такую сугубо формальную, безыдейную и бездуховную область, как названия должностей. Чего стоят „молодцы-служители“ (*шилан* 侍郎), „домочадцы“ (*шэжэнь* 舍人), „сыновники“ (*шуцзы* 庶子), „возливатели жертвенного вина“ (*цзицзю* 祭酒) и пр». Эти названия, половина переводов которых (замечу я от себя) спорна, «не просто декор, во всяком случае — не только декор... именно так и понимались тогда административные функции. Шла бесконечная погоня за соответствием прозы бюрократической жизни и поэзии государственного служения, погоня за именами, в которых достойно были бы отражены два параметра: однообразная мелочная конкретная работа — и лепта, вносимая в общеимперскую конкретную деятельность, по упорядочиванию и облагораживанию, даже... одомашниванию мирового пространства громадной семьей-страной. Именно... эта погоня и заставляла раз за разом переименовывать одни и те же учреждения, казалось бы, вне всякой логики и необходимости» (там же, с. 193). Возникает вопрос: как можно определить «этическую настроенность» и «духовную ориентированность» бюрократии по названиям должностей и учреждений, которые чиновник дает не сам, а даются ему «высшей властью»? Сохранилась ли теория времен Тан, где бы излагались принципы изобретения и присвоения названий чиновникам? Где она изложена? Почему о ней не сообщается читателю?

Между тем основы такой теории были заложены еще в «Цзо чжуань 左傳», на них построил свою историческую схему смены династий, опирающихся на «пять элементов», порождающих друг друга, Лю Синь (46 г. до н.э. — 23 г. н.э.), в I в. она вошла в

«Хань шу 漢書». Этот текст прекрасно помнили при Тан. Его знал и упоминал Янь Ши-гу /581–645/ (ХШ, гл. 19А, с. 1098; гл. 21Б, с. 1768; ср. ЧЦЦЧ, гл. 48, с. 2б–5а), а комментатор «Ши цзи» Сыма Чжэн 司馬貞 /жил ок. 737 г./ включил заимствования оттуда в главу «Основные анналы трех августейших» (*Саньхуан бэнь цзи*), добавленную им к истории Сыма Цяня (ШЦ, гл. Сань хуан бэнь цзи, с. 1–4). Эта теория также вошла в знаменитую танскую политическую энциклопедию «Тун дянь» (802 г.), написанную Ду Ю (735–813), которая фигурирует в библиографии к рассматриваемой книге (см.: Рыбаков, с. 495), с изложения этой теории в «Тун дянь» начинается гл. «Чиновники» (Ду Ю, гл. 19, с. 105). По этой теории мифические государи древности, начиная с Фу-си, давали своим высшим /или старшим/ чиновникам названия по благим знаменьям (в виде появления драконов, облаков, прилета благовещих птиц), сопровождавшим воцарение какого-либо монарха, или непосредственно по тому из пяти «элементов» («сил»), опираясь на который он, по преданию, правил (напр., Шэнь-нун /Янь-ди/ — на «силу» огня, Гун-гун — на «силу» воды), а со времен мифического владыки Чжуань-сюя старших чиновников стали называть по их «обязанностям [по управлению] народом» (ХШ, гл. 19А, с. 1098). Мне кажется, отсюда следует, что названия (по крайней мере, части) чиновничьих должностей, согласно китайской традиции, действительно могли нести идеологическую нагрузку, но скорее в духе императорской, нежели чиновничьей идеологии, т.е. такую, что по ним можно судить не столько об «этической настроенности, духовной ориентированности бюрократии», сколько об одобрении Небом власти того или другого монарха посредством ниспосланных свыше знамений, закрепленных этим монархом в названиях своих старших чиновников (соответствовавших тому или иному «элементу»), что, выражаясь современным языком, отвечало установке этого монарха на легитимацию своей власти. А другие названия должностей содержали сведения о функциях соответствующих чиновников.

Мне интересно наблюдение автора, что «изменения названий учреждений и должностей были, возможно, чем-то сродни изменениям девизов правления», но я понимаю это «сродство» иначе, чем он, видящий в названиях должностей «вдохновляющие программы, сверхзадачи на будущее» (Рыбаков, с. 193), — надо еще доказать, что это так. Я вижу «сродство» (сходство) у двух видов названий — годов правления (*нянь хао* 年號), с одной стороны, и должностей чиновников мифических владык — с другой, как о них повествует древнее предание, приведенное в «Цзо чжуань»; сходство в том, что и те и другие могли указывать на знаменья. Что до названий чиновников, то их связь со знаменьями засвидетельствована не реальным историческим материалом, а мифологией, которой доверяли образованные люди, включая историографов с V в. до н.э. и до Тан, без оговорок принимавшие мысль, что древнейшие владыки называли чиновников по ниспосланным свыше знаменьям. Что до девизов эр правления, то в них многократно упоминались знаменья времен ранней империи, зарегистрированные историографией той поры. Как мне уже приходилось отмечать, смысл введения этих девизов властью был в обновлении времени, точно так же, как смысл изменения топонимов был в обновлении пространства (сходный смысл имеют изменения названий топонимов и в нашей культуре — достаточно вспомнить о замене названия Петербург на Ленинград, знаменовавшей «отречение от старого мира», и переименование Ленинграда в Петербург, знаменовавшее частичное возвращение к прошлому, к традиции). В Китае переименования должностей, рангов, титулов и т.д. предусматривались, в частности, конфуцианской теорией, изложенной у Дун Чжун-шу (179–104 гг. до н.э.), который указывал, что каждый правитель, получивший мандат Неба, даже если нет нужды менять заведенные его предшественниками порядки, должен изменить «установления», в том числе «названия». Изменение названий было

связано с представлением о магической функции слова, по которому название влияет на объект, которому оно дано (см.: Кроль, 2005, с. 26). Называть чиновников и учреждения по-новому казалось нужным для обновления (т.е. построения нового) мира, каким представлялось новое царствование. При этом и названия должностей и титулов, и девизы правления порой не выдумывались заново (хотя, разумеется, случалось и это) и потому далеко не все были вновь созданными, а повторялись, так как заимствовались из славного прошлого, когда, как были убеждены заимствовавшие их лица, в мире царил порядок; должно быть, такое восстановление старого названия мыслилось как способ помочь достижению порядка и процветания сегодня, возрождению былой эпохи мироустройства путем выбора подходящих названий для должностей.

Автор подчеркивает свои старания передать «культурную пропитку» названий должностей и учреждений в своих переводах. Он убежден, что перевод должностных названий безликими «министрами» и «секретарями» «дезориентирует, сдувает напрочь аромат культуры, гасит отсвет своеобразного видения мира, понять и ощутить которое... куда более важно, чем просто разложить на обозрение детали древнего административного скелета» (Рыбаков, с. 193). Он пишет, что поэтому старался при передаче административных терминов исходить из тех названий, которые давали своим чиновникам сами китайцы танского времени. Пусть даже это получается «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно». Он полагается на догадку, на свою интуицию: «Я старался, насколько позволяло сопротивление двух языков (порой в ущерб строгой научности, быть может), передавать названия учреждений и должностей не по смыслу реально исполняемых функций, а по духу имен, то есть исходя из того, как на мой взгляд, сами жители Танской империи понимали эти функции — понимали и прикрепляли эти возвышенные функции к должностям и учреждениям именами. Ведь не зря же они ухищрялись, раз за разом упорно стараясь назвать зачастую, в общем-то, одну и ту же должность поточнее, без конца пробуя с максимальной буквальностью вогнать ее имя в перекрестие двух осей: равнодушной бюрократической машинерии, реальной повседневной задачи — и неизбежного стремления одухотворить ее, оплодотворить конфуцианским представлением о том, чем и как, в сущности, должен заниматься слуга народа (а было ли такое в конфуцианстве? Хорошо бы ссылку! — Ю.К.) и правителя» (там же, с. 194–195). Стремление перевести заковыристые древнекитайские названия должностей свойственно мировой синологии в XX в. и сегодня, в том числе и западной, у которой тут есть немало достижений (там их накопление — дело кумулятивное), не надо думать, что это стремление присуще одному лишь автору монографии. Сам он не обходится без европеизмов, против которых гневно ополчается: так, он переводит название *юйши* 御史 «цензор», а *юйшитай* 御史臺 — «цензорат» (Рыбаков, с. 241, 84, 229, 259, 291 и примеч. 207, 208; ср. БКРС, т. 2, с. 760), правда иногда чуть дистанцируясь от этих переводов выражениями вроде «так называемый» и «традиционно именуемое», а также вводя параллельные переводы: для *юйши* — «державные наблюдатели», а для *юйшитай* — «терраса державных наблюдателей» и «Терраса, где пребывают державные писцы» (Рыбаков, с. 291–292 и примеч. 209) — кстати, а почему не «государевы (= императорские)»?

Мысль, что императоры Тан давали своим чиновникам новые названия в «бесконечной погоне за соответствием прозы бюрократической и поэзии государственного служения» меня не убеждает; она ничем не доказана, как и то, что они вообще мыслили в таких категориях, — да в рассматриваемой книге есть и противоречащие ей примеры. Так, там сообщается, что в начале династии Тан чиновник, который, как до ее воцарения в 618 г., т.е. еще при Суй, именовался *наянь* — «высказыватель», в 621 г. стал называться *шичжун* — «срединный служитель», а тот в 662 г. был назван *дун-*

тай цзо сян — «левый сподвижник с Восточной террасы», но в 670 г. сменил это название на *шичжун*, а тот в 684 г. получил название *наянь*, а его в 705 г. опять заменили на *шичжун*, которое в 713 г. переделали на *хуанмэньцзянь* — «управитель у Желтых врат», но и это название в 717 г. снова заменили на *шичжун*, вместо которого в 742 г. все тому же чиновнику было присвоено название *цзо сян* — «левый сподвижник», последнего же в 557 г. еще раз нарекли *шичжун*'ом. Все носители этих названий возглавляли одно и то же учреждение, которое «в разное время называлось то Восточной террасой, то Желтыми вратами, то снова Привратным *шэном* (*мэнься-шэн*)» (Рыбаков, с. 195; ср. Ду Ю, гл. 21, с. 122). За первые 140 лет Тан было девять переименований этой должности. Видимо, по теории автора, каждое переименование все более приближало прозу бюрократической жизни главы указанного учреждения к поэзии государственного служения; значит, в названии *шичжун* больше этой поэзии, чем в *наянь*, а в *дунтай цзо сян* ее больше, чем в *шичжун*; почему же тогда название *дунтай цзо сян* в 670 г. было снова заменено на *шичжун*, а то в 684 г. опять на менее «поэтическое» *наянь*? Непрерывно нарастающей поэтизации чиновничьей жизни как государственного служения, тенденции «одухотворения» этой жизни явно не просматривается. Значит, не в этом причина переименований должностей. А вот если вместе со мной допустить, что сам акт переименования был важен символически, так как знаменовал обновление такой части мира людей, как государственный аппарат, тогда повторы старых названий оказываются вполне уместными и объяснимыми.

Теперь о переводах названий. Чтобы они были правильные, надо знать их историю, ибо многие названия заимствованы из прошлого. Тут неизбежен выход за пределы периода Тан, в другие времена. Рассмотрим для примера предложенные автором переводы двух названий: *наянь* 納言 и *шичжун* 侍中. *Наянь* не значит «высказыватель». По преданию, отразившемуся в «Шу цзине», так назывался чиновник при Шуне (Шан шу, гл. 3, с. 166). В комментарии, приписываемом Кун Ань-го, сказано: «*Наянь* — это чиновник, [служивший] горлом и языком (т.е. органами речи. — Ю.К.), который выслушивал слова нижестоящих и докладывал верховному [правителю], принимал слова верховного [правителя] и оглашал их нижестоящим, и тогда [эти слова] непременно заслуживали доверия» (ШЦ, гл. 1, с. 58). Ин Шао (ок. 140 — 206 г. н.э.) приводит современную ему аналогию: «*Наянь* подобен нынешнему *шаншу* 尚書 (ведающему казенными документами /см. ниже/), в его ведении было служить горлом и языком *вана* (= органами речи царя)» (ХШ, гл. 19А, с. 1099). Контекст, в котором *наянь* встречается в «Шу цзине» и «Ши цзи», подтверждает это толкование: Шунь повелевает *наяню* по имени Лун с утра до ночи оглашать (по другому толкованию, оглашать и получать, см. ниже) его приказы. Значит, ранние значения *наянь* — это (1) «оглашающий /объявляющий/ слова [приказов верховного правителя]» и (2) «сообщающий /передающий/ слова [докладов нижестоящих верховному правителю] и слова [его приказов нижестоящим]». В начале Поздней Чжоу было два чиновника *юйбочжундафу* 御伯中大夫, которые сопровождали государя в его свите, когда он выезжал из дворца и въезжал туда. В 564 г. название этой должности было изменено на *наянь*, это была должность (служебная функция) «прислужника во дворце» (*шичжун*) /см. ниже/. В конце правления Сюань-ди были к тому же отдельно учреждены два чиновника *шичжун* как сверхштатные должности. Кроме того, при Суй название *шичжун* изменили на *наянь* и назначили на эти должности двух людей, а в 616 г. название *наянь* заменили на *шинэй* 侍内 — то же, что *шичжун*, поскольку знаки *чжун* 中 и *нэй* — синонимы (а при Суй был табуирован омоним *чжун* — знак *чжун* 忠, в состав которого 中 входит как компонент/ (Ду Ю, гл. 21, с. 122).

При Ранней Хань *шичжун* была сверхштатная должность. После того как при Суй она звалась *шинэй*, при Тан название *шичжун* было восстановлено, его носил начальник «Привратного *шэна*» /*мэнь ся шэн*/ (в пер. Рыбакова, с. 231). Автор отмечает, что обязанности «срединных служителей» «Синь Тан шу» «определяет довольно расплывчато, в общем виде. Те ведали исходящими императорскими повелениями и входящими ответами на них — надо полагать, имеются в виду рапорты об их исполнении (*чуна ди мин* 出納帝命)» (Рыбаков, с. 239). По-моему, это очень информативное свидетельство, объясняющее, почему при Тан *наянь* и *шичжун* выступали как названия одной и той же должности. Слова *чуна ди мин* — скрытая цитата из «Шу цзина», где Шунь обращает их к Луну: «Повелеваю тебе, будь оглашающим слова (*наянь*), с утра до ночи оглашай (*чуна* /см. ниже/) Наши приказы (повеления: *мин*)» (Шан шу, гл. 3, с. 166). Вместо *чуна* в других редакциях этой фразы стоит сочетание *чужу* 出入 (ШЦ, гл. 1, с. 58; XIII, гл. 19А, с. 1099, коммент. Цянь Да-чжао /1744–1813/), которое либо значит: 1) докладывать наверх /т.е. верховному [правителю]/ и доводить до сведения нижестоящих (вариант пер.: передавать приказы и собирать мнения), либо 2) это сочетание толкуется как сложное словесное образование, в котором выделяют как важную составляющую слово *чу* 出 («издавать»), полагая, что лишь одно это значение определяет значение сочетания в целом (ХЮДЦД, т. 2, с. 475, значен. 8; ШЦЧИ, т. 1, с. 11 /примеч. 35/, 18). На мой взгляд, 2-е толкование в контексте речи Шуня более убедительно; ср также фразу *чуна ван* 王 命 в оде «Ши цзина», относящуюся к чжоускому сановнику Чжун Шань-фу (хоть и нет сведений, что он был *наянь*): «Оглашай (*чуна*) приказы царя, будь горлом и языком царя (*ван*), за пределами [столицы /или дворца?/] распространяй [распоряжения, связанные с] правлением» (Legge, p. 543 /III. III.VI/). Крил резонно считает, что *чуна* здесь значит то же, что *чужу* в надписях на бронзе, что значит «увозить отсюда и привозить сюда /to take out and bring in/ приказы» государыни, а поскольку последнее действие бессмысленно, вероятно, *чужу* значит увозить ее приказы отсюда и привозить сюда сведения о том, как они выполняются (Creel, 1970, p. 118–119 and n. 67), — это предвосхищает догадку Рыбакова о «рапортах» об исполнении императорских повелений, поступавших от «срединных служителей» при Тан (см. выше).

В стремлении передать «культурную пропитку» названий автор очень часто переводит слово *чжун* в названиях должностей «срединный» или «середина»; это связано со значением «центра» в китайской культуре. Но это ведь не единственные значения *чжун*. Желание автора понятно, но результаты его прямолинейного осуществления неутешительны. Страницы монографии пестрят мало что говорящими русскому читателю «срединными служителями» (там же, с. 59, 195, 239, 241, 249, 253, 303), «срединными подателями дел» (там же, с. 240, 245, 247, 266, 293, 308), «срединными документами» (153, 199 /примеч. 23/, 239 /примеч. 95/, 241, 245, 249, 250, 253, 266, 294), «домочадцами при срединных документах» (Рыбаков, с. 41, 245, 250, 266, 294), «срединными молодцами» (там же, с. 364, 363, 370, 377, 385, 387, 388, 393, 414) и т.п. Начнем со «срединных служителей». Название *шичжун* — тоже древнее, как указано в китайском справочнике 1994 г., хоть и моложе *наянь*. Должность *шичжун* впервые была учреждена при династии Цинь (первоначально это был «писец /секретарь? или инспектор?/, [подчиненный] помощника [монарха] (*чэнсянши* 丞相史), а в распространенном переводе „канцлера“/), занимавшие ее «сновали туда и сюда во дворце, отсюда ее название» (ЧГЛДГЧДЦД, 519). Вот почему переводы *шичжун* «срединные служители», «те, кто обслуживают середину» для меня неприемлемы; ученые, кроме автора монографии, единодушно передают здесь *чжун* словом «дворец», из ряда «запретный город, двор» (ХЮДЦД, т. 1, с. 579, значен. 2; Bielenstein, p. 50–60, 75 и др.;

Loewe, p. 762). В.С. Таскин еще в 1968 г. отмечал, что *шичжун* означает «прислуживать в середине», т.е. во дворце, и предложил его перевод «окольный» (см. Таскин, с. 102, примеч. 7). Разумеется, императорский дворец представлялся расположенным в центре мира, потому и обозначался словом *чжун*. Но, боюсь, из перевода *шичжун* у Рыбакова это не ясно, а передать выражение *шичжун* словами «прислужник во дворце, стоящем в центре мира» тяжеловато, хоть и безошибочно. Аналогичной и даже более суровой критики заслуживает и перевод названия *цзишичжун* 給事中 «срединный податель дел». Автор пренебрег словарем под ред. Ошанина, где, правда, дан неудачный перевод этого названия «цензор, контролер», но, кроме того, верно указано значение сочетания *цзиши*: «служить, прислуживать»; знаток бюрократии Хань Х. Биленштейн переводит название *цзишичжун* (в ту пору сверхштатной должности) «служащий во дворце» (Bielenstein, p. 50, 59 и др.); автор монографии повторяет свою ошибку в переводе сочетания *цзиши* в составе термина *цзишилан* 給事郎, переданного «молодец для подачи дел» (Рыбаков, с. 96) вместо, да простится мне стилизация под переводческую манеру автора, «служащий» или «несущий службу молодец». Название должности *чжундафу* переведено «великий муж посередине» (там же, с. 94), интересно, между кем и кем? Оно существовало еще при Хань (XIII, гл. 19А, с. 1108), специалисты по этому периоду переводят его «дворцовый сановник (или советник)» (Bielenstein, p. 25; Loewe, p. 764). Автор переводит название *чжунлан* и *чжунланцзян* 中郎將 — «срединный молодец» и «срединный молодец-командующий» (Рыбаков, с. 364, 370, 377, 385, 387, 388, 393, 414); эти должности были и при Хань, но в те времена они значили, стилизуя перевод под манеру Рыбакова, «молодец при дворе (или дворцовый молодец, молодец во дворце)» и «командир /глава/ молодец во дворце» (Bielenstein, p. 24, 25, 27, 28 и др.; Loewe, p. 766). Трудно назвать удачными в монографии и переводы названий должностей и учреждений, куда входит выражение *чжуншу* 中書, которое систематически переведено «срединные документы», хотя здесь это «официальные документы, [храняемые во] дворце» или чиновники, ими ведающие (Морохаси, т. 1, с. 302, № 450, значен. 1), но при этом тот же термин прилагался и к книгам, хранившимся у Сына Неба, в том числе пяти каноническим, сочинениям разных авторов и школ и т.д. и текстам с записями событий /дел/ (ХЮДЦД, т. 1, с. 603, значен. 1), так что в широком смысле слова *чжуншу* — это писания, хранящиеся во дворце у Сына Неба.

Ограничусь тем, что уточню истолкование названия должности *шаншунуе* 尚書僕射, по второй части которого я консультировал автора, удержав его от опрометчивого дословного перевода *пуе* в данном контексте, так как здесь это не название незначительной военной должности, а просто начальник (глава) определенного рода чиновников. И все же верного толкования у автора не получилось, ибо он сохранил комментарий, по которому «романтическое название» *пуе* «обобщенно можно интерпретировать посредством словосочетаний „слуга-стрелок“, „руководящий исполнением церемонии прислужник при стрельбе“»; *пуе* «можно попробовать истолковать как пособия попаданию в цель, пособия достижению, те, без чьей помощи невозможно попасть в мишень, в цель, а шире — невозможно добиться успеха и достичь желаемого; те, без чьих организационных усилий надлежащий результат в деле был бы невозможен или... весьма проблематичен» (Рыбаков, с. 210–211 и примеч. 51). Все это плоды вольного полета воображения. В самом деле, слово *пу* не значит «пособник», не значит оно в данном случае ни «слуга», ни «прислужник», ни «возница», значения, перечисленные в словаре под ред. Ошанина (там же). В тексте «Хань шу» сказано: «*Пуе* — циньская чиновничья должность. [Из чиновников] начиная с прислужников во дворце (*шичжун*), [включая] ведающих официальными документами

(*шаншу*), эрудитов (*боши* 博士) и чинов охраны (*лан* 郎) /молодцев в переводе Рыбакова/ — у всех у них были *пуе*. «В древности высоко ценили военные чины, и были [чиновники], ведающие стрельбами (или стрелками) [из лука и арбалета] /*чжусе* 主射/, с чьей помощью надзирали над ними (инспектировали) и проверяли их» (ХШ, гл. 19А, с. 1111). Следовательно, прямое значение *пу* в названии *пуе* — «ведать»; то же сообщает ханьский комментарий Ин Шао (там же, с. 1110). *Пуе* при Цинь значило «ведающий стрельбой(-ами) или стрелками», но под 213 г. до н.э. мы узнаем о выступлении при дворе *пуе* Чжоу Цин-чэня, т.е. у термина появилось еще одно значение — главы или начальника /эрудитов/, и лучше даже с оговоркой не переводить его здесь «командир лучников» (Сыма Цянь, т. II, с. 75, 359, примеч. 133). Название *шаншунуе* существует со времен Поздней Хань (ХШ, гл. 21А, с. 1111, комм. Ван Сянь-цяня); но в этом названии термин *пуе* употреблен в переносном значении «начальник, глава чиновников» (ЧГЛДГЧДЦД, с. 164, значен. 2 и 3, 482; ШЦЧИ, с. 130, примеч. 2); в англоязычной традиции для эпохи Хань его переводят «надзиратель, инспектор» /*supervisor*/, возможно, по функции контроля, выполнявшейся ведающим стрельбой или стрелками /?/ (Bielenstein, p. 52, 55, 56; Loewe, 2000, p. 761), или по реальной функции чиновника *шаншунуе* «заместитель /помощник/ начальника секретариата» (Loewe, p. 761; ср. ЧГЛДГЧДЦД, с. 482). Автор переводит *шаншу* 尙書 то как «правительствующий» (Рыбаков, с. 206–210), то как «высший над [такими-то] документами» (грамматические соображения его не смущают. — Ю.К.), «непосредственно перед правителем ответственный за документацию [по таким-то делам]», а затем выводит отсутствующие в китайском тексте «дела» из квадратных скобок и заключает: «Более компактно ту же идею можно передать выражением „высший в делах“» (там же, с. 207, 211). Но разве *шан* значит здесь «высший»? По словарю под ред. Ошанина (см. БКРС, т. 3, с. 257, № 6326, IV, значен. 9), это глагол со значением «заведовать, ведать, управлять». Название должности *шаншу* построено по тому же шаблону (глагол + имя), что названия ее синонимов *чжаншу* 掌書, *чжушу* 主書, как указано в справочнике, изданном в КНР в 1994 г., в эпоху Чжаньго и при Цинь «все это были мелкие чиновники, которые заведовали у удельных правителей и государей владений официальными (казенными) документами», а при династии Цинь малое казначейство (*шаофу* 少府) послало четырех чиновников, которые во дворце стали принимать и отправлять официальные /казенные/ документы и именовались *шаншу* / (ЧГЛДГЧДЦД, с. 481, значен. 2).

Название монографии снабжено уточнением «Часть 1. Генезис структуры», значит, автор намерен написать по меньшей мере еще одну часть на избранную им тему, где может дополнить и уточнить сказанное в «Части 1». Мой (непрошенный) совет не упустить этой возможности. Внимания автора особенно заслуживает раздел о генезисе структуры. Пока что сказанное здесь не вытекает органически из описания ее и функций чиновничьих должностей, а хотелось бы, чтобы вытекало, чтобы главы 1 и 3 были теснее связаны. Без этого ряд возможностей заставить описания этих функций (в том числе экономических) «работать» на концепцию автора останется неиспользованным до конца. Да и стоит ли сводить все к одному узкоэкономическому ирригационному фактору формирования бюрократии, держаться за однобокое «монистическое» объяснение этого феномена? Почему не допустить, что «внешних» факторов было несколько? (так, выше я отметил существование такого внешнего фактора, как соседи империи). Второе, на что хочу обратить внимание, — это особые трудности понимания и перевода названий должностей и административных учреждений (институтов). Они требуют повышенного внимания. Они столько раз повторялись, причем старая форма, отраженная в иероглифике, возрождалась, но значения,

т.е. соотносимость с определенной функцией, могли меняться, как произошло в случае *пуе*. Как совместить задачи передачи по-русски функции должности и ее «культурной пропитки»? Подчас бывает возможно совместить их в литературном переводе, предваряя перевод слов, важных для понимания этой «пропитки» выражениями «так называемый», «как говорится» и т.п. (см.: Алексеев, с. 18), но не в научной же монографии! Быть может, в переводе для научных целей можно использовать формулу «именуемый», «под названием», «известный как» и т.п., например: *бошшупе* — «глава эрудитов [под названием] „ведающий стрелками“», а *шаншупе* — «[именуемый] „ведающим стрелками“ начальник [казенного учреждения] тех, кто заведует официальными документами». Кажется, это все же лучше, чем плодить «гибридов» и неологизмы вроде «Правительствующего *шэна*» (*шаншуншэн*), «дудуфатов» и «духуфатов», или «высшего в делах», или загадочных «сыновников», которых я не нашел в словарях ни у В. Даля, ни у С.И. Ожегова.

Список сокращений

БКРС — Большой китайско-русский словарь
 ХШ — Хань шу
 ХЮДЦД — Ханьюй да цыдянь
 ЧГЛДГЧДЦД — Чжунго лидай гуаньчжи да цыдянь
 ЧЦЦЧ — Чунь цю Цзо чжуань чжу шу
 ШЦ — Ши цзи

Список литературы

- Рассказы о людях необычайных из серии новелл Ляо-чжай чжи-и / Пер., предисл. и коммент. акад. В.М. Алексеева М.–Л., 1937.
- Большой китайско-русский словарь / Сост. коллективом китаистов под руководством и редакцией И.М. Ошанина. М., 1983–1984. Т. 1–4.
- Китайско-русский словарь. Архимандрит Палладий и П.С. Попов (сост.). Пекин, 1888. Т. I–II.
- Кроль Ю.Л.* Была ли ранняя китайская империя деспотией? // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 359–399.
- Переломов Л.С.* Конфуций. «Лунь юй». Исслед. пер. с кит., коммент. М., 1998.
- Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб., 2009 (Orientalia).
- Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Изд. второе, испр. и дополненное под ред. А.Р. Вяткина. Т. II. М., 2003 (Памятники письменности Востока. XXXII, 2).
- Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968.
- Хуань Куань.* Спор о соли и железе (Янь те лунь) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Ю.Л. Кроля. М., 2001 (Памятники письменности Востока. СХХV, 1–2).
- Штейн В.М.* Гуань-цзы. Исслед. и пер. М., 1959.
- Ду Ю* 杜右. Тун дянъ 通典 (Всеобъемлющий свод уложений). Шанхай, 1935 (Вань ю вэнь ку 萬有文庫, 2-й сб. Ши тун 十通. 10 всеобъемлющих сводов. № 1).
- Морохаси Тэцудзи.* 諸橋轍次. Дай Кан-Ва дзитэн 大漢和辭典 (Большой китайско-японский словарь). Т. 1–12. Токио, 1955–1960.
- Мэн-цы и чжу 孟子譯注 («Мэн-цзы» с переводом и комментарием) / Пер. и коммент. Ян Бо-цзюня 楊伯峻. Пекин, 1988.
- Хань шу бу чжу 漢書補注 («История Хань» с дополнительным комментарием). Доп. коммент. Ван Сянь-цяня 王先謙. Пекин, 1959 (Го сюэ цзи бэнь цун шу. Т. 1–8).
- Ханьюй да цыдянь 漢語大詞典 (Большой словарь китайского языка) / Отв. ред. Ло Чжу-фэн 羅竹風. Т. 1–12. Гонконг, 1986–1894.

- Чжунго лидай гуань чжи да цыдянь 中國歷代官制大辭典 (Большой словарь названий чиновничьих должностей и административных учреждений при всех китайских династиях) / Отв. ред. Люй Цзун-ли 呂宗力. Пекин, 1994.
- Чунь цю Цзо чжуань чжу шу 春秋左傳注疏 («Вёсны и осени» и «Комментарий Цзо» с комментарием и субкомментарием). Пекин, 1957 (Ши сань цзин чжу шу 十三經注疏書. Тринадцать канонических книг с комментарием и субкомментарием. Т. 32).
- Шан шу чжэн и 尚書正義 («Древние писания». Истинный смысл). Пекин, 1957 (Ши сань цзин чжу шу 十三經注疏書. Тринадцать канонических книг с комментарием и субкомментарием. Т. 3–4).
- Ши цзи хуй чжу као чжэн 史記會注考證 («Записи историка» с собранием комментариев и критическим исследованием). Авт. Сыма Цянь 司馬遷 / Сост. критического исследования Такикава Сигэн 瀧川資言. Т. 1–10. Пекин, 1955.
- Ши цзи чжу и 史記注譯 («Записи историка» с комментарием и переводом) / Отв. ред. Ван Лици 王利器. Т. 1–4. Сиань, 1988.
- Bielenstein H.* The Bureaucracy of Han Times. Cambridge–London–New York–New Rochelle–Melbourn–Sydney, 1980.
- Creel H.G.* The Meaning of *Hsing-ming* // *Studia Serica*, Bernhard Karlgren Dedicata. Copenhagen, 1959. P. 199–211.
- Creel H.G.* The Fa-Chia 'Legalists' or 'Administrators'? // *The Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Sinica: Extra Volume № 4. Studies Presented to Tong Tso Pin on His Sixty-Fifth Birthday.* Taipei, 1961. P. 607–636.
- Creel H.G.* The Beginnings of Bureaucracy in China: The Origin of the *Hsien* // *The Journal of Asian Studies.* Vol. XXIII, № 2. February, 1964. P. 155–184.
- Creel H.G.* The Origins of Statecraft in China. Vol. I. The Western Chou Empire. Chicago–London, 1970. P. 1–28.
- Creel H.G.* Shen Pu-hai: A Chinese Political Philosopher of the Fourth Century B.C. Chicago–London, 1974.
- Hulsewé A.F.P.* The Legalists and the Laws of Ch'in // *Leiden Studies in Sinology.* Vol. XV. Leiden, 1981. P. 1–22.
- Hulsewé A.F.P.* Remnants of Ch'in Law. Leiden, 1985.
- Legge J. The She King, or the Book of Poetry // *The Chinese Classics.* Vol. 4. Pt 1–2. Hongkong–London, 1871.
- Loewe M. A Biographical Dictionary of the Qin, Former Han and Xin Periods (221 BC–AD 24). Leiden–Boston–Köln, 2000.

Summary

Yuri L. Kroll

On Some Problems Relating to the Study of the Phenomenon of Bureaucracy in the Traditional China (in Connection with the Publication of Viacheslav Rybakov's Monograph "The T'ang Bureaucracy. Part 1. Genesis and Structure")

Rybakov's book is the first attempt in Russian Sinological literature to present to the Russian reader a monographic study of a certain period of history of the traditional Chinese bureaucracy.

The study was undertaken by a well-known specialist in T'ang imperial law who was also interested in cultural studies. Kroll's article begins with a critical discussion of Rybakov's treatment of the genesis of bureaucracy; his advice is to broaden Rybakov's concept of factors that have influenced this genesis, adding to that of irrigation at least the exterior factor of "barbarian" neighbours of China that led to the formation both of the Chinese military forces and the staff of those in charge of foreign relations; Kroll finds Rybakov's description of the service and the way of life of the T'ang officials excellent, but is rather critical of his translations of the T'ang official titles and points out ways of improving them.